

Апостолы Алтая.

Въ минувшемъ 1909 году, когда исполнилось 25-лѣтіе служенія въ святительскомъ санѣ архіепископа Томскаго и Алтайскаго Макарія, увидала свѣтъ прекрасная книжка А. И. Макаровой-Мирской — „Апостолы Алтая“, съ которой вкратцѣ мы и знакомимъ здѣсь читателей. Книга эта является благоухающей пальмовой вѣтвью на тернистомъ жизненномъ пути архипастыря, одного изъ числа тѣхъ работниковъ на нивѣ Христовой, имена которыхъ не пользуются громкой извѣстностью, не окружены дымкой легендарныхъ подвиговъ, но свято чтутся тѣми дѣтьми природы, среди которыхъ прошла ихъ многотрудная жизнь, въ чьихъ сердцахъ затеплилась, благодаря имъ, вѣра въ ученіе Божественнаго Страдальца.

Далеко отсюда, среди безпредѣльнаго простора сибирскихъ равнинъ и горныхъ цѣпей, гдѣ все такъ неизвѣстно намъ, такъ должно жуткой прелести, манить и устрашаетъ суровой жизнью, среди нетронутой, неоскверненной еще природы, — тамъ гордо высятся вершины сверкающихъ снѣгами алтайскихъ горъ.

Хребты ихъ поднялись на правомъ берегу Иртыша и охватили весь югъ Томской губерніи, смыкаясь съ Саянскими горами въ востокъ въ верховьяхъ Чулашмана и направляя къ югу длинную цѣпь южнаго Алтая, теряющуюся въ центрѣ Гоби.

Горы выдвигаются изъ юго-восточнаго угла Томской губерніи и расползаются, какъ тучи, захватывая площадь, во много разъ превышающую западно-европейскую Швейцарію. За Телецкимъ озеромъ въ верховьяхъ рѣки Абакана Алтай соединяется съ Саянами, а къ сѣверу тянется уже цѣлый рядъ хребтовъ Куз-

нецкаго Алтая, составляя водораздѣль бассейна Томи и притоковъ Енисея.

Характеръ этихъ хребтовъ разнообразенъ до безконечности, начиная отъ снѣговыхъ уступовъ Альпъ до мягкихъ очертаній сѣверныхъ предгорій, покрытыхъ зеленью; отъ пирамидальныхъ Нарымскихъ горъ, выступающихъ изъ глубины долинъ, до синеватыхъ лѣсныхъ сопокъ восточнаго Алтая; здѣсь встрѣчается сочетаніе самыхъ разнообразныхъ картинъ природы, постепенно смѣняющихся алтайскихъ луговъ, плодоносныхъ долинъ, дикихъ скалъ, плоскогорій, степей и высочайшихъ хребтовъ, что все вмѣстѣ придаетъ сказочную красоту этой странѣ.

Около Барнаула высятся уже красивыя горы, простершіяся надъ широкой Обью; цвѣтушіе и прелестные „боры“, роши тянутся по берегамъ. Но это еще преддверіе Алтая. Чѣмъ ближе къ Війску, тѣмъ больше раскрываются цвѣтушіе поля и луга, покрытые сочными травами и роскошной алтайской флорой, съ массой цвѣтовъ—піоновъ, лилій и „жаркихъ цвѣтовъ“, какъ бы горящихъ на зелени полей.

Подлѣ Війска начинаются уже настоящія предгорія, подернутыя нѣжной дымкой синевы, а за ними гористая мѣстность окончательно вступаетъ въ свои права,—складки горъ украшены зеленою травой, кажущейся какъ бы длинной шелковой лентой, которая, уходя въ даль, сливается съ туманными вершинами чуть видныхъ сумрачныхъ громадъ...

На подошвѣ ихъ или, какъ образно выражаются алтайцы, „на подолѣ горъ“ ютятся деревни, окруженныя пашнями, поселками; въ лѣсахъ раскиданы вездѣ заимки и хутора.

Горные перевалы, ведущіе къ Телецкому озеру, покрыты дѣвственными лѣсами и огромными травами; изъ нихъ папоротники и репей поднимаются выше человѣка сидящаго на лошади. Дикій хмѣль вьется по стволамъ. Среди кедровъ и сосенъ растетъ рябина, бузина, акація, а кусты черемухи, смородины и малины свѣшиваютъ свои албующіе гроздья.

Красивая, богатая страна, но много лѣтъ прошло, пока ея населеніе, состоящее изъ дикарей-алтайцевъ, оставило своихъ прежнихъ злыхъ и добрыхъ боговъ, которымъ они молились и

которыхъ, въ то же время, наказывали за неисполненіе желаній,— и просвѣтилось ученіемъ Христа...

Первымъ провозвѣстникомъ невѣдомыхъ имъ раньше истинъ былъ знаменитый архим. Макарій, основатель Алтайской миссіи.

О. Михаилъ Чевалковъ, уроженецъ алтайскихъ горъ, такъ говоритъ о первой встрѣчѣ своей съ этимъ неутомимымъ труженикомъ и ловцомъ человѣковъ:

„Помню я ясный день, когда по обычаю пошелъ я къ товарищу Іакову и сидѣлъ съ нимъ на крылечкѣ его избы. Мы оба увидали двухъ людей въ черныхъ одеждахъ со странными черными же шапками на головахъ. Я хотѣлъ бѣжать отъ нихъ, увидавъ ихъ, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня: у него было такое доброе лицо, и глаза свѣтились ласкою... Онъ далъ мнѣ пирожокъ и, погладивъ по головкѣ, спросилъ мягкимъ голосомъ, покорившимъ мое сердце, какъ меня зовутъ. На мой отвѣтъ онъ сказалъ:

— „Посяди смирно, я расскажу тебѣ одну повѣсть, а ты слушай. Это хорошая, правдивая повѣсть.

„И я сталъ слушать жадно, а онъ, положивъ мнѣ руку на плечо и свѣвъ самъ, началъ рассказывать такъ хорошо и понятно о большомъ камѣ Кипріанѣ, про то, какъ онъ уходилъ въ горы и изучалъ тамъ бѣсовское чернокнижіе, научившись которому, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; но только не могъ онъ бѣсовскими чарами прельстить душу крещеной дѣвушки Іустины и страшно дивился тому и спрашивалъ бѣсовъ своихъ главныхъ:

— „Отчего это? Какъ не можете вы одолѣть этой дѣвицы?

„И слуга его, бѣсъ, сказалъ:

— „Мы боимся Бога ея и даже къ дому ея подойти не смѣемъ, не только къ ней.

„Услыхавъ это, онъ самъ пошелъ къ Іустинѣ и спросилъ:

— „Въ какого ты Бога вѣруешь?

„А та рассказала ему объ Іисусѣ Христѣ, и послѣ того крестился самъ Кипріанъ и сталъ великимъ священникомъ, Божіей силою совершая многія чудеса, а теперь онъ на небѣ въ великомъ Божіемъ свѣтѣ“.

Нужно ли пояснять, что кроткій старецъ былъ никто иной, какъ самъ Макарій, сумѣвшій своимъ простымъ и безъискусственнымъ разсказомъ пробудить въ сердцѣ мальчика лучшія струны его души и заронить въ нее то сѣмя, изъ котораго постепенно развился плодъ сознательной любви и благоговѣнія къ Христу.

Кроткій и незлобивый, не смотря на все гоненія, которымъ подвергали его сторонники язычества, отецъ Макарій неутомимо шелъ къ своей заветной цѣли и достигъ постепенно того, что имя его съ почтительной любовью произносилось на Алтаѣ, а слова вдохновенной проповѣди глубоко запечатлѣвались въ дѣтски-простодушныхъ сердцахъ несчастныхъ дикарей.

(Окончаніе будетъ).

Апостолы Алтая.

(Окончаніе).

Давно уже нѣтъ въ живыхъ отца Макарія, но память о немъ не умерла и не умретъ пока будутъ жить люди, для которыхъ его примѣръ является не гаснущимъ свѣтильникомъ, озаряющимъ имъ путь любви, самоотверженности и безграничной вѣры, которыхъ такъ много было у перваго борца за духовное просвѣщеніе Алтая.

Такимъ же даромъ личнаго неотразимаго обаянія обладали и нѣкоторые преемники отважнаго апостола, и изъ нихъ прежде всего необходимо указать на нынѣшняго Томскаго архіепископа Макарія, взявши для этого ту пору, когда онъ звался еще Михаиломъ Андреевичемъ и проживалъ въ Улалѣ въ семьѣ священника Стефана Ландышева, готовясь къ трудной дѣятельности миссіонера и изучая чуждый ему языкъ алтайскихъ горцевъ, которымъ онъ долженъ былъ проповѣдывать евангельскія истины.

Трудность и неизвѣстность подвига смущали и тревожили душу юноши: онъ сомнѣвался въ томъ, что сумѣетъ съ должной убѣдительностію разговаривать съ простодушными дѣтьми природы и, несмотря на свои блистательные успѣхи въ туземномъ языкѣ, не разъ высказывалъ мучившія его опасенія старику-миссіонеру Ландышеву.

Но вотъ наступило время проповѣди, и въ селеньѣ дикарей, среди толпы алтайцевъ, появилась его юношеская и стройная фигура... „Дымъ отъ разведеннаго костра, точно ояміамъ, подымался къ небу, и слова проникновенныя, полныя любви, на странномъ алтайскомъ языкѣ, лились убѣдительно, властно, очарующія и правдивыя... Какія эти были слова! Молодая душа, горѣвшая любовью, влагалаась въ нихъ, они звучали невыразимымъ убѣжденіемъ, они трепетали безконечной вѣрою и звали за собой къ Тому, о Комъ вѣщали.

„Старикъ-алтаецъ бросилъ трубку, и она давно потухла, его молодые сыновья и подростокъ дочь слушали, не спуская глазъ, а другіе, сидѣвшіе поодаль, тихо пригнувшись ближе, а по лицу толмача Чевалкова катились слезы, которыхъ онъ не замѣчалъ“ ...

Сидя на живописныхъ берегахъ Катуня, любилъ М. А. говорить съ дѣтишками алтайцевъ и объяснять имъ, что понапрасну боятся они своего кара-немя (дьявола) и курюмеса (злого духа), отъ которыхъ защититъ ихъ всемогущій крестъ добраго Бога, и дѣти понимали его простые и свѣтлыя слова и доверчиво прислушивались къ нимъ, улавливая въ нихъ струи иной, болѣе высокой и чистой жизни.

Но стоило только разнестись слуху, что гдѣ-нибудь въ глухомъ селеніи свирѣствуетъ безошадная оспа, съ которой не въ силахъ бороться дикари, — и молодой миссіонеръ посѣбно выѣзжалъ туда, и повинаясь зову сердца, не колеблясь и не страшась.

Смѣло входилъ онъ въ хижины, гдѣ властвовала злобный недугъ; садился подлѣ больныхъ и говорилъ съ ними, утѣшалъ, гладилъ головки мечущихся въ жару дѣтей и, наконецъ успокоивши несчастныхъ, придавши имъ бодрости для терпѣливаго перенесенія болѣзни, подѣловавши, обезображенныя и распухшія личики малютокъ, не страшась заразы и не скрываясь отъ нея, онъ утѣжалъ.

Эта ужасная болѣзнь — настоящій бичъ Божій для всего населенія Алтая — всегда съ безошадной свирѣстью набрасывалась на селенія дикарей и одво за другимъ губила ихъ.

Владиміръ, архіепископъ Казанскій, посѣтилъ, въ бытность свою алтайскимъ миссіонеромъ, одинъ изъ горныхъ ауловъ, пораженныхъ этимъ недугомъ. Три — четыре юрты казались совсѣмъ безлюдными, ни одинъ звукъ не доносился изъ глубины ихъ; но когда миссіонеръ, памятуя только о ближнихъ, но не о себѣ, вошелъ въ первую изъ нихъ, то сразу же нашелъ двухъ мертвецовъ и одну умирающую женщину: „она попросила пить и указала слабой исхудалой рукойъ на сосѣдную юрту:

— Тамъ люди!...

„Оставивъ около больной двухъ человекъ, пошли туда: тамъ нашли умирающаго старика и дѣвочку лѣтъ шести, исхудалую до ужаса, но живую и даже не больную; ею занялись сейчасъ же. Въ третьей никого не было, люди ушли изъ нея, должно быть... А въ четвертой, въ берестяной люлькѣ, отчаянно и

жалобно надрывался, плакалъ ребенокъ, а прямою она и полу лежала мертвая мати; рука ея была приподнята и такъ и застыла, протянутая къ ребенку; грудь открыта; она, и умирая, хотѣла, видимо, подолзти и покормить ребенка кацлями молока, оставшимися въ ея истощенной груди.

Ужасная картина!...
А вотъ, какъ полная противоположность ей, другая: небо покрылось тучами, только рѣдкія звѣзды мелькали въ просвѣтахъ этихъ тучъ; вѣтеръ колебалъ пламя костровъ и люди, ходившіе около нихъ, казались какими-то странными существами при свѣтѣ колеблющихся пламени. Лицо миссіонера было печально: онъ съ вѣжною ласкою смотрѣлъ на лежащаго на колѣняхъ ребенка, крохотная ручка которого держала малецъ за руку; дѣвочка и во снѣ не отпускала его; чувство горячей вѣжности къ этому ребенку закралось въ его сердце, — онъ думалъ объ ея судьбѣ, объ ея будущемъ. Иногда его взглядъ останавливался на дорогомъ личикѣ и печальная улыбка прѣбѣгала по губамъ...

— Никого не было, — думалъ онъ. — Одинъ былъ, и вотъ — двѣ жизни, двѣ заботы... Вѣдныя... Вѣдныя.
А сколько опасностей и ужасовъ приходилось преодолевать проповѣдникамъ слова Христова въ борьбѣ съ суровой и неприступною природой! Припоминается разсказъ того же преосвященнаго Владимира о томъ, какъ въ сопровожденіи діакона ѣздилъ зимой изъ Кибезени въ миссіонерскій Чулышманскій монастырь, чтобы причастить умирающаго игумена.
Труденъ и путь и путь зимою, — разсказываетъ почившій архидиаконъ, — вѣдь, означаетъ, у озера — страшное черное выскокиваетъ оно на ледъ, бьется, снѣгъ обдастъ водою... Хлеснетъ такая волна изъ пучины и ледъ расколеть силой удара могучаго.
Мы дальше ѣхать стараемся отъ воды, Къ полдню снѣгъ пошелъ. Глаза слѣзять. Вѣтеръ вѣетъ ужасный, и точно изъ пушекъ стрѣляютъ: это отъ тяжести волвъ ледъ трещить. Проводякъ съ лошади слѣзъ; дорогу ищеть къ камнямъ прибрежнымъ... О дальнѣйшемъ пути мы мысль покинули; въ умѣ только на языкѣ: гдѣ бы бурю переждать. А кругомъ — ревъ, свистъ, ужасъ. Внезапно все это покрылъ ужасный ударъ. А среди хаоса и ужа-

са и я, и дьяконъ, и проводникъ увидали, что передъ нами подвиглась черная стѣна и обдала насъ холодными брызгами, а ледъ заколебался подъ ногами. Проводникъ дико вскрикнулъ; лошадь его ухнула въ раскрывшуюся бездну и тянула его за собой, а онъ въ паническомъ ужасѣ не могъ распутать повода вѣзавшагося ему въ руку. Помню, какъ дьяконъ выхватилъ ножъ дорожный и, бросивъ лошадь, подползъ къ самому краю бездны, у которой, обливаемый черной водою, бился проводникъ; вѣсколькими ударами ножа онъ обрубилъ поводъ и освободилъ руку проводника, а лошадь обрушилась въ пучину. Теперь онъ вель насъ просто по инстинкту, все прямо, повернувъ отъ разверзшейся бездны; и мы шли, то ползкомъ, то поднимаясь; брели среди слѣпившаго глаза снѣга и треска льда, а лошади брели за нами...

И много, очень много такихъ неустрашимыхъ рыцарей духа, непоколебимыхъ слугителей идеала среди безвѣстныхъ алтайскихъ миссіонеровъ...

Вотъ протоіерей Василій Вербицкій, по первому же зову идущій въ хижину, гдѣ лежать больной дикарь, покинутый даже близкими родными. Не дрогнувшими руками распутываетъ онъ ноги несчастнаго страдальца, завернутыя въ зловонныя отренья и ничѣмъ не выдаетъ своего ужаса при видѣ багровыхъ опухолей, покрытыхъ бѣлыми пузырями и ранами, съ какой-то кашеобразной, гноевидной массой вмѣсто тѣла, савозью которую просвѣчиваютъ обнажившіяся кости.

Ужасный сирадъ не позволяетъ сомнѣваться, что страдалецъ пораженъ гангреней: спасти его нѣтъ возможности, но миссіонеръ и виду не подаетъ, чтобы не отравить ему послѣднихъ часовъ жизни на землѣ. Собственными руками обмываетъ онъ истерзанное и пораженное недугомъ тѣло, мужественно преодолеваетъ слабость предъ нестерпимымъ запахомъ заживо-гниющаго организма и переноситъ несчастнаго въ свой домъ, кладетъ на свою постель и въ теченіе вѣсколькихъ дней, не отходя отъ нея ни на шагъ, ухаживая за больнымъ, стараясь изгнать изъ него сознанія страхъ смерти, мягкими чертами обрисовать передъ нимъ тихую картину иной и лучшей жизни...

Проходить—два три дня, и онъ умираетъ, но умираетъ со спокойной и просвѣтленной душой, безъ страха смерти и безъ сожалѣнія о томъ, что земная жизнь кончена и замѣняется другой, невѣдомой ему, непостижимой, но уже страстно желаемой.

Другой, отецъ Василій Ландышевъ, такъ же точно верхомъ на низкорослой лошаденкѣ, неустрашимо пробирался по каменистымъ тропамъ и черезъ бурные потоки, чтобы поспѣть со своей сильной помощью въ селенія, гдѣ бичъ алтайскихъ горъ—черная оспа косила беззащитныхъ дикарей. Въ грязныхъ и полутемныхъ юртахъ, на грудяхъ звѣриныхъ шкуръ, металась умирающая, прижимаясь нылающими тѣлами къ холоднымъ трунамъ уже умершихъ близкихъ и дорогихъ людей.

Неустрашимо, памятуя только завѣтъ Христа, что нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за друзей своихъ, входилъ онъ въ убогія жилища дикарей, склонялся надъ свияцово-сѣрыми лицами больныхъ, чѣмъ могъ, облегчалъ испытываемыя ими страданія, исповѣдывалъ и приобщалъ христіанъ и, наконецъ, выполнивши все, что только въ силахъ сдѣлать отдавшій себя на служеніе ближнимъ человекъ, онъ уходилъ.

Но уходилъ только за тѣмъ, чтобы тотчасъ же, не отдыхая, сѣсть въ другія стойбища, облегчать страданія другихъ несчастныхъ, которыхъ онъ никогда не зналъ и не видалъ, но которые все ему были равно дороги.

И сколько ихъ, сколько этихъ героевъ долга и требованій своей дѣтски-чистой и любвеобильной души! Сколько именъ навсегда вѣчатлѣлось въ сердцахъ благодарнаго населенія Алтая: о Стефанъ Ландышевъ, о Василій Вербицкій, Меодій епископъ Читинскій, Макарій епископъ Якутскій, Владиміръ архіепископъ Черкасскій, Иннокентій епископъ Благовѣщенскій, Сергій епископъ Херсонскій, Мелетій епископъ Барнаульскій, Иннокентій епископъ Війскій.

Все они, и близкіе и далекіе, много лѣтъ безропотно несли свой тяжелый крестъ среди ущелій и долинъ алтайскаго горнаго хребта. Здоровье и силы большинства, принесенныя на служеніе меньшимъ братьямъ, остались навсегда въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ и на берегахъ стремительныхъ каскадовъ, и надъ спокойными водами Телецкаго озера.

Берега его так широко раскидываются вдаль, что когда одна часть их золотитъ солнце, то при поворотѣ головы видно, какъ другой берегъ окружаютъ темныя тучи, а въ промежуткахъ между горъ клубятся сѣроватые туманы. По мѣрѣ того, какъ солнце спускается за горизонтъ, окружающіе свѣта мѣняются, — ближайшія горы принимаютъ темно-синіе тона, а дальнія покрываются золотистой мглою. Въ то же время надъ этимъ озеромъ раскидывается необъятный куполъ вѣжно-голубого неба, съ яркими, золотисто-желтыми хлопьями облаковъ, какъ бы комками пурпуровой краски на полотнѣ геніальнаго, но небрежнаго художника.

Телецкое озеро называется у монголовъ и калмыковъ золотымъ озеромъ. Поводомъ къ этому названію послужилъ мифъ, говорящій о томъ, что въ Хоры давнія на берегахъ этого озера жила какой-то челоѣкъ; онъ былъ голоденъ, искалъ пищи, искалъ людей, но людей не было; въ рукахъ этотъ челоѣкъ держалъ огромный кусокъ золота, но золото было бесполезно въ этой пустынѣ, и онъ не могъ выкупить за него въсколькихъ зеренъ ячменя. Ишакъто атлаѣдо гхвѣлѣз гѣ оцѣлот отъ дѣя вшакѣлоцѣн

Тогда этотъ голодный челоѣкъ, понявши все безсиліе металла, и доведенный до отчаянія, съ обѣшеной злобъ бросилъ драгоцѣнный кусокъ въ темныя волны глубокаго озера и проклялъ его. . . гѣлѣе ов вѣлоцѣн гѣо гхирѣотѣ гхитѣягѣн

Не ту же ли картину представлялъ собою и весь Алтайскій край до появленія въ немъ проповѣданіевъ слова Христова? Роскошная природа, величіе и красота которой безмолвно говорятъ о еще большемъ величіи Создателя еѣ, а рядомъ — дикость и нищета, и беззащитность несчастныхъ дикарей — дѣтей Алтайскихъ горъ и долинъ. . . гѣлѣе гѣо гхирѣотѣ гхитѣягѣн

Торговля сношеніями съ Россіей были завязаны давно, но торговцамъ не было дѣла до внутренней, духовной жизни сибирскихъ инородцевъ. Они брали отъ нихъ драгоцѣнные металлы и мѣха, оплачивая ихъ предметами, удовлетворяющими потребностямъ и вкусу дикарей, а вкусы ихъ не создались и создаются подъ вліяніемъ особенныхъ законовъ. . . гѣлѣе гѣо гхирѣотѣ гхитѣягѣн

Простодушный сынъ природы часто увлекается въещами не столько утилитарными, обезпечивающими его жизнь, но совершен-

ствующими и направляющими ее къ лучшему, сколько потакающими его страсти и в дѣтском увлеченіи, то за отъездомъ отъ Россіи дуд

Чаше всего диکارь обольщается блестящими, но дешевыми бездѣлушками, украшеніями, за которыя готовъ отдать лучшія произведенія своего труда, и что тиз ставитъ же его въ весьма невыгодныя условія.

Затѣмъ онъ ищетъ минутнаго удовлетворенія, ощущеній и страстей, всякій наркотъ, будь то табакъ, вино или опиумъ, для него является соблазнительнымъ и развиваетъ въ немъ страстное влеченіе и пагубную привычку. Торговля, какъ въ данномъ случаѣ, плохой руководитель жизни: она предлагаетъ то, что соблазнительнѣе, но не то, что полезнѣе, и мало заботится о послѣдствіяхъ своихъ.

Раззореніе, даже полная гибель дѣлхъ племенъ становится потому почти истиннымъ, и единственнымъ средствомъ къ спасенію могло явиться иное, болѣе гуманное и безкорыстное отношеніе къ несчастнымъ дикарямъ со стороны ихъ цивилизованныхъ собратьевъ.

Потребность въ проповѣди назрѣла давно.

Но началась она не сразу. Мы встрѣтили, въ Сибири три различныхъ міровозрѣнія, боровшіяся между собою, изъ коихъ — двѣ могучихъ старыхъ религій, тисцѣйтавшихъ уже своєю силою и вліяніемъ въ міръ. Поэтому въ христіанство должно было встрѣтиться гораздо болѣе препятствій, къ своему распространенію, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Притомъ вліяніе суждено было появиться только поздно, когда другія религій успѣли уже завладѣть полемъ на роднаго міровозрѣнія. Къ тому же, впервое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями, и тогда было не до проповѣди.

Весь XVIII вѣкъ прошелъ въ подвижъ усмиренія и ибродческихъ бунтовъ, и только въ XVIII столѣтіи вступили заботы объ обращеніи сибирскихъ дикарей въ христіанство, и тогда проповѣдь распространялась только между северныхъ и инородцевъ, причему особенно выдается обращеніе костаковъ и вогуловъ.

Децинскимъ съ 1712 по 1714 годъ.

Что касается утвердившихся религій—магометанской и буддйской то здѣсь чаще всего приходится встрѣчаться съ полнымъ признаніемъ ихъ и желаніемъ только, чтобы религіозные центры ихъ находились не внѣ русскихъ владѣній. Съ этою цѣлью оказывалось даже покровительство указаннымъ религіямъ: въ киргизской степи распространялись мечети по повелѣнію правительства, мулламъ изъ тобольскихъ татаръ назначалось жалованіе изъ казны. То же самое дѣлалось и по отношенію къ буддизму,—въ Забайкальѣ, напримѣръ, создана была высшая буддйская духовная власть хамбо-ламы, и такимъ образомъ на долю обращенія въ христіанство остался весьма небольшой контингентъ язычниковъ.

Однако-жъ миссіонерская дѣятельность, хоть и начавшаяся только въ 1828 году, быстро развивалась и сдѣлала колоссальныя завоеванія мирнымъ путемъ. Самоотверженность и вѣрность долгу ея служителей осидила корыстные старанія шамановъ и колдуновъ удержать народъ въ прежнемъ невѣдѣніи и мракѣ,—и вотъ теперь среди Алтайскихъ горъ даже самая проповѣдь евангельская ведется священниками, вышедшими изъ среды алтайскихъ дикарей, и на алтайскомъ языкѣ...

Когда въ пасхальную заутреню, у насъ въ Россіи несется ликующая пѣнь воскресенія Христа, тамъ—въ глубинѣ Сибири въ убогихъ, но дорогихъ народу храмахъ, звучать знакомые церковные напѣвы, и просвѣтленные алтайцы на своемъ своеобразномъ языкѣ тоже славятъ Христово Воскресеніе...

Христоръ Ельгондонъ—Христоръ Воскресе!—несется тогда въ лѣсахъ и между зеленѣющихъ долинъ, и эхо сибѣрическихъ горъ могучими раскатами бросаетъ священныя слова на глубоководныя озера, и по поверхности ихъ они плывутъ и таютъ тамъ гдѣ-то далеко, далеко...

И Онъ воскресъ, дѣйствительно воскресъ, въ этихъ дикихъ долинахъ, гдѣ раньше несчастные, непросвѣтленные евангельскимъ ученіемъ туземцы столѣтіями томилась въ оковахъ страха предъ злыми богами, измышленными ихъ простодушною фантазіей.

Онъ воскресъ и побѣдилъ злыхъ духовъ не тѣмъ оружіемъ, какимъ боролись съ ними служители иныхъ религій, а кротостью, смиреніемъ и любовью безграничною, съ какими пришли сюда на проповѣдь Его апостолы, апостолы Алтая.

Да и могли ли устоять темныя силы предъ мощью подвиговъ, свершенныхъ на Алтаѣ?..

Мы говорили уже о вихрь, но в теперь, заканчивая свой бѣглый очеркъ, хотимъ припомнить одинъ изъ многихъ, въ которомъ съ особенною яркостью запечатлѣлся величественно-прекрасный и вмѣстѣ—дѣтски-кроткій образъ совершившаго его. Осенью, въ ненастный и бурный день, пришло миссіонеру заночевать на берегу Телецкаго озера у стараго алтайца. Разбушевавшееся озеро съ угрюмымъ рокотомъ катило на береговые выступы громады своихъ волнъ и на десятки саженой разбрасывало ихъ сабговую пѣну, а старикъ съ тревогой всматривался въ kloкочущую пучину, боясь, что вотъ-вотъ покажется тамъ челнъ, въ которомъ возвращается обратно его единственный любимый сынъ.

Но лодки не было и, порѣшивши, что онъ остался на ночь на противоположномъ берегу, взволнованный отецъ немного успокоился. Ночь наступила..

И вотъ, на вспѣнныхъ гребняхъ мелькнуло что-то черное, и сквозь завѣсу клубящихся сухихъ снѣжинокъ и мѣриадъ брызгъ донесся голосъ гибнущаго человѣка, голосъ сына, зовущаго отца изъ бездны, гдѣ погибала его жизнь...

Старикъ въ рыданіяхъ упалъ на землю, и только лишь миссіонеръ въ порывѣ вдохновеннаго экстаза прерѣшилъ къ своему тѣлу конецъ длинной веревки и кинулся туда, въ бушующее озеро...

Что было дальше?..

Обледѣлый, шатающийся, онъ возвратился со спасеннымъ имъ мальчикомъ—алтайцемъ, а черезъ нѣсколько недѣль мучительной и тяжелой агоніи—въ холодный ясный день, когда послѣдніе лучи солнца ласкали поверхность Телецкаго озера, молодого миссіонера уже не было въ живыхъ...

И когда вспоминаешь объ этомъ невѣдомомъ свѣту подвиговъ, изъ глубины сознанія выдвигается сіяющій образъ Христа и шелчуть Божественныя уста Его;

— „Больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положить за други своя“ ...

(„Руск. Паломн.“) К. Голицынъ.